

**VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК**

(Москва, август 1964 г.)

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

**ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ
ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ
ПЛЕМЕН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Абхазы — коренные жители Автономной Советской Социалистической Республики Абхазии (на Кавказском побережье Черного моря) — принадлежат вместе с родственными адыгами (черкесами) к древнейшему населению северо-западного Кавказа¹.

Трудно, по-видимому, говорить о каких-либо резких сменах этнического состава на этой территории в течение, по крайней мере, нескольких последних тысячелетий. Перед нами непрерывная линия этнического и культурного развития аборигенного населения, что, однако, не исключает порою весьма значительных вторжений и переселений иноплеменников и взаимодействия с ними местных жителей.

Сами себя абхазы называют термином а-псуа (апсуа). Начальная гласная фонема (а) в этом слове представляет собой постоянный префикс общности абхазских имен (за исключением собственных), окончание (уа, мн. уаа) выражает «люди», как и в ряде других этнонимов (а — шэ — уа — абазин, шире — северокавказец; н — шэан — уа — сван, а — гр — уа — мегрел, а — кырт — уа — грузин и т. д., а корень (пс) в современном абхазском языке означает «дух», «душа», «жизнь», а также «мертвец» и пр. (в адыгских языках основное значение «пс» — «вода»). Это древний словообразовательный элемент, выступающий в качестве корня и многих других абхазских слов. В частности, пихта называется «апса» (по-видимому, отсюда происходит и «апста» — пихтово-сосновая роща, ущелье).

Начиная с эпохи бронзы устанавливается антропологическая близость всего населения Кавказа, который, как это установлено в специальной литературе, в целом в антропологическом отношении обращен к югу. Внутри Кав-

каза выделяется два основных — восточнокавказский и западнокавказский, а всего четыре антропологических типа. Эти, впрочем, не резко отличающиеся между собой характерные антропологические типы следующие: кавкасионский (население Большого Кавказского хребта), каспийский (население Азербайджана), арменоидный, или переднеазиатский (население Армении и Восточной Грузии), и понтийский (население Западного Кавказа). Абхазы, как и другие представители данной группы (адыгские племена, убыхи, мегрелы и другие западнотурецкие этнографические группы), относятся к одному западнокавказскому («понтийскому») антропологическому типу, у которого признаки сходного кавкасионского типа — круглоголовость и значительная ширина лица — не выражены, отличаясь больше мезокефальностью и менее широким лицом. Время и условия образования этих типов недостаточно выяснены, однако западнокавказский тип, включая Западную Грузию с Абхазией, в основном совпадает с территорией распространения колхидской, прикубанской и кобанской археологических культур. Этот древнейший антропологический слой связан с древнейшими же антропологическими типами Малой Азии, а вместе с тем обнаруживает определенные связи с древними народами южнорусской равнины².

Следовательно, имеется немало оснований предполагать, что вся территория Западного Кавказа от восточных берегов Азовского моря до Малой Азии была некогда занята в известной мере единым древним этническим массивом, остаточные группы которого сохранились в лице современных абхазо-адыгских и западнотурецких народностей.

Многочисленные археологические памятники разных эпох, находимые при раскопках в Абхазии и прилегающих районах, органически увязываются с исторической жизнью местных племен. Дольмены с их инвентарем, наиболее архаичные из которых — абхазские, датируются второй половиной III тысячелетия до н. э. и связываются с древними абхазо-адыгскими племенами (хотя не имеется полного единства взглядов по этому вопросу). Несомненно и местное происхождение западнокавказской древнейшей металлургии меди (рубеж III—II тысячелетия до н. э.) — колхидской, прикубанской и кобанской, очень близких между собой — и синхронных бронзовых культур

конца II и I тысячелетий до н. э. Традиции этих замечательных культур продолжали жить и развиваться в некоторых местах и в течение первой половины I тысячелетия н. э. (I—V вв.). Выразительным подтверждением этого служат материалы Цебельдинских некрополей, находящихся в северной части нынешней центральной Абхазии, у старинной Военно-Сухумской дороги, ведущей по Кодорскому ущелью через Кавказский хребет и связывавшей Абхазию с соседней Аланией и другими северокавказскими областями. Видимо, очерченную территорию от Западной Грузии через Кавказский хребет до современной Северной Осетии занимали в древности племена, очень близкие между собой по культуре, а может быть, и по языку.

Все эти и другие данные свидетельствуют о том, что на Западном Кавказе существовала довольно однородная культурная среда, в недрах которой создавались истоки основных самобытных этнических массивов: абхазского, адыгского и западнотурецкого. Проникновение ирано-язычных (скифских) элементов, начавшееся с VIII—VII вв. до н. э., не сопровождалось здесь изменением этнического состава населения, как это имело место в центральной части Северного Кавказа. Вместе с тем начиная с периода развитой бронзы (примерно с XVIII в. до н. э.) культурное единообразие сменяется чрезвычайной пестротой и многообразием, отражающим, очевидно, локальные особенности отдельных племен.

В древности абхазо-черкесские племена, которые в некоторых документах, как полагают, выступали иногда под одним общим названием (что весьма характерно), играли важную роль на Кавказе и даже далеко за его пределами. Анализ этно-топонимических данных, содержащихся в древневосточных источниках, приводит исследователей к выводу, что во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. эти племена были распространены не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье и даже южнее.

Так, в хеттских документах XIV—XIII вв. до н. э. из Богазкейского архива упоминается народ каски, *kaš-kaš*, живший на южном берегу Черного моря. Этот этнический термин считают прототипом наименования «Кавказ», которое затем перешло как обозначение страны к другим народам древности. Представляет интерес и мнение о том,

что страна «Гага», упоминаемая во второй половине XV в. до н. э. в письме фараона Аменхотепа III, является сокращенной формой хеттского *kaš-kaš* (егип. *kš-kš*)³.

В дальнейшем и надписи ассирийских царей часто упоминают племена кашков (касков), которых относят к древнейшему местному населению северо-восточной Малой Азии, а название «кашки» давно сближается с названиями «косога», «кашага», «жешага», которыми именовались черкесы в русских средневековых летописях. В надписях ассирийского царя Тиглатпаласара I (конец XII — начало XI в. до н. э.), совершавшего набеги, в частности, на Армянское нагорье и Северную Сирию, встречается также название «абешла», которое нетрудно связать с названием древнеабхазского племени «апсилы», упоминаемого позднеантичными писателями в юго-восточной Абхазии. Вместе с тем в этих надписях синонимом названия кашков выступает название «абешла».

Иными словами, на рубеже XII—XI вв. до н. э. племенные названия, обозначающие предков абхазов и предков черкесов, выступают вариантами друг друга. Видимо, в указанное время древнеабхазские и древнеадыгские племена еще не окончательно выделились из общей массы большого родственного этнического массива, хотя, вероятно, самые ранние признаки его дифференциации восходят к еще более древнему периоду.

Сейчас трудно с полной уверенностью решить, произошло ли в древности (может быть, с середины III тысячелетия до н. э.) продвижение абешла-кашкайцев из Малой Азии на Западный Кавказ или все это Кавказское Причерноморье занимали многочисленные родственные племена, из которых впоследствии образовались древнеабхазские, адыгские и западногрузинские народности. Обращают на себя внимание совпадение отдельных топонимических фактов и близость названий некоторых племен, локализуемых древними авторами на кавказском побережье Черного моря и в северо-восточных областях Малой Азии: керкеты, зигпол (ср. с абхазо-черкесским названием джигов-зигов), моcсиники (ср. с североабхазским племенем санигов), убыхи-пекхи (ср. страна Пахува хеттских источников), гениохи (Иганиехи) урартских источников у побережья Чалдырского озера, которые позднее греко-римскими писателями упоминаются в районе Трапезунда и на территории Абхазии, и др.

Бесспорным является существование «адыгских» элементов в топонимике исторической и современной Западной Грузии — Гурии, Раче, Аджарии. Таковы, например, названия рек и местностей абхазо-черкесского облика, т. е. на «пс» — словообразовательный элемент, означающий в современных адыгских языках «вода», «река», на «ква» — словообразовательный элемент, осмысляемый в абхазо-адыгских языках как овраг, балка, ущелье, каменистый хребет, берег реки, и другие, причем топонимы на «ква» иногда с наращением грузинского локативного суффикса *т* (Апсар, Акампсис, Дирапс, Нампсаво, Псахапсис, Посков, Супса, Саапсандзо, Агидаква, Ачква, Аква, Бобоквати, Джуруквети, Боква, Малтаква, Мурквети и др., Агара, Азих, Ахо, Анча, Гумати, Жибиани, Ахибла, Скурча, Келасури и др.). Оставляя открытым вопрос о связи основы названия Фазис («пас»), как обозначается в античных источниках р. Риони, с первой категорией имен, эти факты акад. С. Н. Джанашиа толкуются как наследие доисторического (адыгского) населения в Грузии. Однако следует иметь в виду, что речь идет, по всей вероятности, о том времени, когда еще не произошло полной дифференциации абхазских и адыгских племен как таковых, вследствие чего нужно говорить, очевидно, не об адыгском или абхазском наследии как таковом, а об общем вкладе прото-абхазо-адыгского населения в топонимику и этнонимику Западной Грузии. Названия на «пс», «ква» и другие являются общим наследием языка — основы абхазо-адыгских племен, причем эти названия и до настоящего времени не менее характерны для абхазского, чем для адыгских языков.

Вместе с адыгами абхазы представляют собой остаток некогда несравненно более значительного этнического конгломерата, оказавшего большое влияние на процессы этногенеза народов западной части Северного и Южного Кавказа. Наследием этого древнейшего этнического субстрата являются доисторическая прото-абхазо-адыгская топонимика Западной Грузии и факты бесспорного значительного влияния абхазского языка на грузинский не только в области лексики, но даже и в некоторых областях морфологии⁴.

Например, в Западной Грузии (Гурии, Имеретии, Мепрелии) женскими окончаниями фамильных имен являются «пхе», «хе» — «дочь», «женщина» (Ломтати-пхе, Куча-

хе, Джинори-хе и т. д.). По мнению акад. А. С. Чикобава, мегрельское «хе», должно быть, является упрощением «пхе», с которым он связывает происхождение восточно-грузинского «мхевали» — «рабыня». Вместе с тем он оставляет открытым вопрос, является ли указанная форма (мхев//пхе//хе) принадлежностью картвельских языков или же она заимствована из другой языковой среды⁵. Акад. Г. А. Меликишвили также допускает, что в западно-грузинском языке этот термин может быть древним заимствованием из другого языка⁶. Надо полагать, что мегрельское пхе//хе представляет собой не что иное, как абхазское оформление женских фамильных имен: «пха» — «дочь», «женщина» (например, Ануа-пха, Тарпха и т. д.).

Абхазское влияние, имевшее место в древности, постепенно слабеет, в то время как обратное влияние картвельской культуры на абхазов, сменившее собой греко-византийское культурное влияние, наоборот, делается все более заметным и многосторонним, особенно в период феодализации края и распространения христианства, хотя еще знаменитая царица Грузии Тамара нарекла своего сына Георгия вторым именем Лаша, которое, как сказано в одном анонимном грузинском историческом сочинении начала XIII в., в переводе с «языка апсаров» (то есть абхазов) означает «просветитель вселенной».

Вот почему (а не только вследствие принадлежности к общекавказскому единству и всесторонних исторических связей) так многочисленны и глубоки общие черты, объединяющие неразрывно абхазов с западногрузинскими племенами по линии антропологии, языка, народной культуры, обычаев, обрядов и пр., которые в совокупности позволяют говорить об едином в значительной степени этнографическом типе этих народов. Особенно яркой, глубокой и интимной является абхазо-мегрело-сванская этнографическая близость, отмеченная многими общими чертами материальной и духовной культуры, на чем, однако, нет здесь возможности останавливаться.

Догадки о родстве народов северо-западного Кавказа и их языков (абхазского, убыхского и др.) с некоторыми древними языками Передней Азии, прежде всего хаттским (протохеттским), высказываются уже давно. Более того, устанавливается ряд важных сходных черт как в грамматической структуре этих языков (в первую

очередь абхазо-убыхского), так и в лексике, хотя наука далека еще от решения этой трудной проблемы.

Языковые связи не стоят изолированно, они дополняются и подкрепляются многочисленными связями культурного порядка. В частности, об этом свидетельствуют медные топоры и керамика Майкопского кургана, мотыжки оседлого земледельческого населения из Псоу, энеолитический инвентарь очамчирского и маджарского селищ в Абхазии, дольменная культура, причем наидревнейшие дольмены сохранились в Абхазии, связь религиозных культов (прежде всего культа великой матери), этнографические сходства и аналогии и др. Этногенетические предания абхазов, как и адыгов, каково бы ни было их реальное историческое содержание, также ведут происхождение этих народов на юг, в Малую Азию.

С середины первого тысячелетия до н. э. многие племена юго-восточного Причерноморья входили в состав Колхидского царства. Предки абхазов принимали активное участие в создании царства Колхиды и замечательной колхидской бронзовой культуры, которая была распространена в XIII—VII вв. до н. э. почти на всей территории Западного Закавказья.

В описаниях античных авторов поражает многочисленность этнических групп на этих территориях: многочисленные гениохи, кораксы, колы (колика), колхи (не связаны ли с названием «колхи» абхазский род Калгы, представители которого живут здесь и поныне), ахеи, керкеты, тореты и др.

Гениохи — собирательное название, включавшее ряд мелких этнических единиц, локализуемых в различных пунктах побережья Черного моря, позднее прежде всего на территории современной Абхазии. У многих авторов встречаются свидетельства о гениохах как о причерноморском кавказском племени (возможно, что название «гениохи» происходит от имени абхазского морского божества Агных). Часто рядом с гениохами (с северо-западной стороны) упоминаются ахейцы, которых не без основания также считают предками одного из абхазских племен (это предположение находит некоторое подтверждение и в этно-топонимике Западной Абхазии).

Так, на рубеже новой эры на северо-западном Кавказе античными писателями отмечается необычайная лингвистическая пестрота. Такая пестрота была результатом

длительного и до известной степени обособленного развития мелких локальных этнографических групп. Она свидетельствует о том, что в античную эпоху процесс этнической консолидации далеко еще не был завершенным. Но начало этого процесса, а следовательно, образование первоначального ядра абхазской, адыгской и других народностей относится к более далекому прошлому. Тогда дифференцировались две родственные самостоятельные сравнительно большие языковые группы — древнеабхазская и древнеадыгская со связующим между ними промежуточным убыхским звеном.

Особый интерес представляет вновь открытая надпись на каменной плите из Майкопа. Если подтвердится интерпретация Г. Ф. Турчанинова, надпись сделана древнефиникийскими письменными знаками, датируется XIII—XII вв. до н. э. и читается при помощи абхазского языка, причем текст с трудом, но все же доступный пониманию современных абхазов, сообщает об основании царем города на границе страны древних абхазов.

Глубокие связи в языке и культуре прослеживаются между абхазами и осетинами. Признано, что антропологически осетины являются близкими родственниками черкесов. Что же касается языка, то, говоря словами проф. В. И. Абаева, «зачастую абхазо-осетинские сходжения слишком глубоки, чтобы их можно было свести к простому заимствованию. Они заставляют думать об общем местном субстрате»⁷. Так, установлено более шестидесяти абхазо-осетинских лексических встреч, относящихся к самым различным явлениям природы, хозяйственной и общественной жизни. Этноним «ауапс», которым абхазы называют осетин, очень близок к самоназванию самих абхазов (апсуа) и т. д.

Одним из важнейших памятников духовной культуры, подтверждающих происхождение коренных западнокавказских народов от общих предков, является героический нартский эпос, ареал распространения которого также почти совпадает с территорией бытования указанных выше родственных археологических культур — кубанской, прикубанской и колхидской. Как сам загадочный термин «нарт», так и ядро эпоса, т. е. древнейшие пласты, составляющие его сердцевину (прежде всего циклы, связанные с матерью нартов Сатаней и ее любимым сыном Сасрыквой, его рождением и подвигами), являются общими для

всех трех основных национальных версий эпоса — абхазской, адыгской и осетинской, что служит веским аргументом в пользу глубоких родственных связей, существующих между ними. При этом, однако, в целом абхазские сказания, которые, по общему признанию, характеризуются как наиболее архаическая часть эпоса, ближе стоят к адыгским, чем к осетинским.

Из исторического развития племен кавказского Причерноморья образовались более поздние объединения. К началу нашей эры население современной Абхазии консолидируется в несколько сравнительно крупных племенных союзов — апсилов, абазгов, санигов, мисимиан. Апсилы жили в области р. Коракс (совр. Кодор), почему они и известны у ранних греческих авторов под названием кораксов, а сама река — под именем Аписилис. Севернее апсилов обитало племя мисимиан, северо-западнее — абазги, занимавшие современную северную Абхазию. Абазги, апсилы, мисимиане и саниги (предполагаемые предки племени садзов) — наименования, употребляемые римскими и византийскими писателями с I—II вв. н. э. (мисимиане — с VI в.). Они являются непосредственными предками абхазского народа (этническая принадлежность мисимиан к абхазам некоторыми оспаривается). Название «апсилы» (в этой форме впервые упоминается в I в. в «Естественной истории» древнеримского писателя Плиния Старшего) звучит и теперь в рассмотренном выше самоназвании абхазов (апсуа). Наименование «абхазы» также восходит к местному этническому названию «абасг»: оно впервые встречается во II в. в известном «Объезде Евксинского Понта» Арриана.

Из четырех поименованных основных союзов абхазских племен, генетически связанных с древнейшим ядром кавказских народов, главными были апсилы на юго-востоке и абазги на северо-западе. В ходе истории преодолевалась взаимная отчужденность племен и языковая дифференциация, постепенно складывалась единая абхазская народность. В этом деле на определенном этапе (с VIII в.) ведущую роль играл, по-видимому, абазгский союз вследствие своей политической гегемонии в эпоху Абхазского царства (апсилы, саниги и мисимиане с тех пор в источниках почти не упоминаются).

Так, Колхидское царство ко II в. до н. э. распалось на отдельные этническо-политические объединения. Вме-

сто общих «Колхида», «колхи» появляются новые наименования племен: лазы, апсилы, абазги, саниги и др. Со II в. н. э. завершается формирование этих самоуправляющихся областей — «княжество» с местными «царями» во главе, находившихся в слабой зависимости от Рима.

Процесс консолидации абхазских племен в единый народ завершается в основном в VIII в., когда закладываются основы Абхазского царства с «царем абхазов» во главе (апсха), достигшего расцвета в IX—X вв.

Постепенно «народ апсуа» (апсуа жэлар) и «Страна народа апсуа» (Апсны), т. е. Абхазия, сделались притягательным центром для всех абхазских племен. Абхазская народность и ее язык — продукт сближения апсилов и абазгов и ассимиляции ими других родственных племен. На базе племенных языков создавался единый абхазский язык (апсуа бызшэа).

Таким образом, развитие племен Абхазии на протяжении многих веков и даже тысячелетий было автохтонным. Пришлые этнические группы ассимилировались местными племенами, не нарушая непрерывности и единства процесса этногенеза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ш. Д. Инал-Ипа, *Абхазы (Историко-этнографические очерки)*, Сухуми, 1960.

² Г. Ф. Дебеч, *Антропологические типы (Кавказа)*, — «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 26—32.

³ «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», — «Вестник древней истории», I, 1947, стр. 263.

⁴ К. Ломтатидзе, *О некоторых вопросах происхождения и расселения абхазов*. — «Мнатоби», 1956, № 12, стр. 138 (на груз. яз.).

⁵ А. С. Чикобава, *Древнейшая структура именных основ в картвельских языках*, Тбилиси, 1942, стр. 25—26.

⁶ Г. А. Меликишвили, *К истории древней Грузии*, Тбилиси, 1959, стр. 438.

⁷ В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, М.—Л., 1949, стр. 317, 318—322.

Цена 5 коп.